

многообразие реальных ситуаций повседневной действительности послеоккупационного военного периода. Содержательность и особенности репрезентации воспоминаний определяют прежде всего личные особенности автора. Рассказы информантов имеют свою гендерную специфику. Неизбежно сказывается разница в возрасте между интервьюируемыми, а также их социальная и профессиональная принадлежность.

В субъективном восприятии послеоккупационной повседневности респондентами тесно переплетаются элементы личного и официального. Нельзя не учитывать, что их отношение к послевоенной действительности формировалось уже в последующие годы под влиянием стереотипов, созданных советской пропагандой. Кроме того, человеческой памяти свойственна идеализация прошлого, которой также не лишены рассказы наших информантов. В воспоминаниях присутствует и не всегда осознанная самоцензура, как результат жизни в условиях тоталитарного режима.

Однако, даже несмотря на все указанные трансформации повествований о послеоккупационной военной повседневности, устные источники сохраняют свою эмоциональную значимость и дополняют документальные материалы. Полученные материалы сочетают в себе индивидуализированную информацию с опытом, разделенным многими, и представляют наиболее типичные, характерные черты будничной жизни общества в целом. Устные воспоминания позволяют реконструировать ценностно-мотивационное пространство современников, их повседневные практики, сделать выводы о выборе индивидуальных жизненных стратегий в условиях перехода белорусского общества из предельно критического состояния в привычный жизненный уклад.

Таким образом, устная история с ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования участников и очевидцев реконструируемых событий представляет значительные возможности для изучения вопросов и проблем, связанных с повседневностью. В то же время, устные данные требуют от профессиональных исследователей их скрупулезного анализа в комплексе с другими видами источников, прежде всего официального происхождения.

1. Николаева, И. В. Повседневные практики и общественные настроения населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (по материалам устных источников) / И. В. Николаева // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сб. науч. трудов. – Витебск, 2016. – Т. 21. – С. 90–93.

Дулова Ю.В.

АРТИОНИМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В современной науке отмечается активное стремление к исследованию взаимодействия языка и культуры. Языковые явления подвергаются анализу с позиции лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики, истории и т.д. Подобные тенденции легко объясняются воплощением национальной культуры в языке. На стыке языка и культуры находятся и названия произведений изобразительного искусства, для которых Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» предложила термин *артионим* [4, с. 38].

Исследованием названий предметов духовной культуры занимались многие ономатологи (А.В. Антропова, Е.А. Бурмистрова, Д.Д. Дрошнев, Т.В. Ефремова, Л.А. Климова, Т.И. Плужникова, Ю.Н. Подымова и др.). Научный интерес к исследованию вопросов взаимодействия языковых и внеязыковых средств в процессе коммуникации привел к возникновению понятия «креолизованный текст». Под креолизованным текстом понимают такие «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [5, с. 180]. Произведения искусства, компонентом которых и выступают артионимы, можно также определить как креолизованный текст, поскольку сообщение, положенное в основу, поступает адресату не только в виде изображения, но также и посредством названия.

Несмотря на многочисленные попытки отойти от традиционного структурно-семантического анализа онимов, до сих пор появлялись лишь отдельные научные труды, в которых к анализу названий произведений изобразительного искусства обращается не филолог, а историк с целью выявить потенциал артионима как исторического источника. В частности В.Н. Филас предлагает методику вычленения исторической информации из названий произведений

живописи и графики на материале артионимического пространства Северного Причерноморья конца XVII – середины XIX в., отмечая «преобладание артионимов познавательного характера и артионимов, имеющих историческую составляющую» [6, с. 39–40].

Бесспорно, являясь компонентом креолизованного текста, артионим выступает ключом для понимания произведения искусства, поскольку не всегда реципиент способен без дополнительных сведений идентифицировать объект, событие или персону, изображенную на полотне. С этой позиции анализ артионима выступает важным этапом в анализе собственно произведения искусства. Однако в чем же специфика артионима как исторического источника? С одной стороны, произведение искусства и артионим как его компонент способны транслировать историческое событие или же историческую личность с определенной долей достоверности в том случае, если полотно написано современником – человеком, который был непосредственным участником изображенного события или же который был лично знаком с изображенным лицом. С другой стороны, даже в описанном случае картина будет являться в первую очередь субъективной интерпретацией творца, отражением его личного опыта, и скорее выступит источником информации о его личности, мировоззрении и творчестве, источником искусствоведческой информации.

Артионим наделен в первую очередь культурным значением, создается для вызова определенных культурных смыслов в сознании реципиента и для создания культурного пространства, поэтому мы предлагаем рассматривать не каждую языковую единицу в отдельности, а обратиться к анализу артионимикона региона. Выполняя идентифицирующую и ориентирующую функции, артионимия довольно ярко отражает те проявления культуры народа, которые зафиксированы в языке. По мнению М.Л. Ковшовой, для лингвистов культура – пространство культурных смыслов и кодов, которые представляют собой вторичные знаковые системы. Ситему кодов культуры образует кодируемое разными способами ценностное содержание, которое раскрывает мировоззрение социума [2, с. 170].

Интерпретировать артионимы представляется возможным через их соотнесение с тематическими культурными кодами: антропным, топоморфным, темпоральным, растительным, цветковым и др. Так, топоморфный код культуры отражает представления человека о географических реалиях, обладающих собственными именами. Реализация данного кода свойственна названиям пейзажей, например, городских или архитектурных. При этом основной предмет изображения и соответственно фиксации в артиониме значим лично для автора или же имеет историческую, архитектурную, культурную и иную ценность.

По мнению В.А. Масловой, каждый топоним представляет собой в языковом сознании жителей региона концепт, требующий реконструкции [3, с. 30]. Значимое место в сознании жителей витебского региона занимает концепт *Витебск*, в ядре которого и находится собственно название города (С.М. Гершов *«Витебск»*, Д.А. Горолевич *«Витебск. Март»*, Ф.Ф. Гумен *«Витебск зимой»*, А.Э. Духовников *«Витебск. Вечер»*, Г.П. Киселев *«Витебск и Витебщина»*, А.Ф. Карпан *«Витебск. Полдень»*). В ближней периферии заключена фактологическая информация о городе. Так, Витебск получил название от реки Витьба и в летописях упоминается как *Видбеск*, *Видебск*, *Витьбеск*. Официально принято считать, город был основан в 974 г., однако в современной историографии вопрос о дате основания Витебска остается дискуссионным [1]. В XVI в. Витебск стал центром воеводства. В 1597 г. получил магдебургское право и городской герб и т.д.

В сознании жителей Витебск воспринимается как древний, красивый, родной город, культурный центр региона. Это подтверждается образами города, зафиксированными в артионимии и составляющими интерпретационную зону концепта: артионимы, мотивированные наименованиями линейных объектов и площадей (В.А. Белый *«г. Витебск. Улица Белобородова»*, А.Э. Духовников *«Витебск. Ул. Суворова»*, Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Площадь Ленина. УБОИ»*), районов (Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Марковицина индустриальная»*, Г.П. Лебедев *«Витебское Заручавье в начале XX века»*), парков и скверов (Ю.А. Баранов *«Парк им. Фрунзе»*, Л.Л. Медведский *«Осень. Парк Мазурино»*), точечных объектов (Г.Ф. Кликушин *«Витебск. Здание Ветеринарного института (ул. Доватора)»*, *«Железнодорожный вокзал»*, Б.Г. Лалыко *«Успенский собор в Витебске. XIX в.»*, Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Ночь. Ратуша»*), водоемов (И.М. Столяров *«Запад-*

ная Двина», В.В. Шамшур «Витьба зимняя», В.К. Дежиц «Утро на Витьбе», А.Ф. Карпан «Двина-Даугва»), пригородных поселений и их объектов (А.С. Корженевский «Витебский известковый завод “Руба”», «Мазолово», А.Ф. Ковалев «Усадьба И.Е. Репина в Здравнево», Г.П. Лебедев «Октябрь в Здравнево»).

Таким образом, артионимия выступает источником информации прежде всего о личности, мировоззрении, творчестве художников. Названия произведений изобразительного искусства отражают особенности мировосприятия того или иного народа, его культуру. В проанализированном материале преобладает фиксация локусов витебского региона, что объясняется его значимостью в сознании как авторов произведений, так и иных возможных именуемых субъектов. Подобные наименования служат вызову определенных ассоциаций, связанных с личными переживаниями, у реципиента.

1. Дулов, А. Н. Вопрос о дате основания Витебска в современной историографии / А. Н. Дулов // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г. : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – Т. 1. – С. 302–304.
2. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
3. Маслова, В. А. Ономастика сквозь призму лингвокультурологии / В. А. Маслова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей / сост. А. М. Мезенко, М. Л. Дорофеев, Ю. В. Дулова, О. В. Шеверина ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 27–31.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; отв. ред. А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
5. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
6. Филас, В. Н. Названия произведений живописи и графики как исторический источник: к постановке проблемы / В. Н. Филас // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20-21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т. ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцев (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 39-41

